

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-3-369-384

**АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ «МОЛЧАНИЕ»
КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ БИПОЛЯРНОГО КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РАССКАЗА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «МОЛЧАНИЕ»)**

**ASSOCIATIVE-SEMANTIC SPACE OF "SILENCE"
AS A MEANS OF EXPLICATION OF THE CONCEPT OF BIPOLAR "LIFE"
(IN THE TEXT OF THE STORY BY LEONID ANDREYEV "THE SILENCE")**

**А.В. Прохорова
A.V. Prokhorova**

«Центр образования №1» г. Белгорода,
Россия, 308001, г. Белгород, ул. Николая Чумичова, 53-А

"Education Center №1" of Belgorod,
53-A Nikolaia Chumichova St., Belgorod, 308001, Russia

E-mail: magomedova27@yandex.ru

Аннотация

В данной статье предпринята попытка обосновать коммуникативно-когнитивную сущность концептов бицентрической структуры, которые входят в идиоконцептосферу текстов Леонида Андреева, писателя начала XX века, отразившего все самое болезненное в жизни России на рубеже веков через специфику идиолекта произведений. Концепты бицентрической структуры могут быть представлены тремя типами (парные, бинарные и биполярные), однако в конкретной статье акцент делается именно на концепте биполярном. В частности, рассматривается ассоциативно-смысловое поле «Молчание», которое является своеобразной формой экспликации концепта «Жизнь», приобретающего в рассказе Леонида Андреева «Молчание» статус биполярного. Выявляются и описываются средства и способы экспликации концепта «Жизнь» и обосновывается его биполярная природа через построение структуры ассоциативно-смыслового поля ключевого слова. Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления биполярности когнитивной структуры художественного концепта, текстообразующая роль которого в оппозитивном дискурсе остается для лингвопоэтики белым пятном. Кроме того, впервые представлено описание существенных признаков оппозитивного дискурса как коммуникативного события, речемыслительное моделирование которого определяется когнитивной синергией контраста, исходящей от противоречивого восприятия автором жизненных реалий, его субъективного опыта. Идея данной статьи состоит в том, что биполярный концепт, служащий смыслопорождающим ядром «опозитивного дискурса» Леонида Андреева, в любом своём конкретном проявлении выражает острое переживание автором главного неврозного фактора: неспособности приспособиться к непредсказуемым социальным переменам. В этой связи исследуются лингвистические механизмы воплощения внутреннего конфликта писателя через индивидуально-авторские приёмы вербализации биполярного концепта.

Abstract

In this article, the communicative and cognitive essence of the concepts of bicentric structure, which are found in Leonid Andreev's literary texts, is substantiated. Due to the specificity of the idiolect of his works, they reflected the key problems of Russian society, topical for the turn of the 19th and 20th centuries. The concepts of the bicentric structure can be bipolar, binary and binary. In this article, we focus on bipolar concepts. In particular, the associative-semantic field "Silence" is considered, which is a kind of explication of the concept "Life", which acquires in the story of Leonid Andreev "Silence" the status of bipolar. The means and methods for explication of the concept "Life" are revealed and described and its bipolar nature is substantiated through the construction of the structure of the associative-semantic field of the keyword. The relevance of the study is determined by the need to understand the bipolarity of

the cognitive structure of the artistic concept, the text-forming role of which in the oppositional discourse remains a white spot for linguapoetics. In addition, for the first time, a description of the essential features of the oppositional discourse as a communicative event is presented, the thought-based modeling of which is determined by the cognitive synergy of contrast emanating from the author's contradictory perception of life's realities, his subjective experience. The idea of this article is that the bipolar concept, serving as the meaning-generating core of the "oppositional discourse" of Leonid Andreev, expresses in every concrete manifestation the acute experience of the author of the main neurotic factor: inability to adapt to unpredictable social changes. In this connection, the linguistic mechanisms of the incarnation of the writer's inner conflict through individual author's methods of verbalization of the bipolar concept are explored.

Ключевые слова: Леонид Андреев, художественный концепт, оппозитивный дискурс, биполярный концепт, художественный концепт «Жизнь»

Keywords: Leonid Andreev, artistic concept, oppositional discourse, bipolar concept, artistic concept "Life"

Введение

Хотя когнитивная лингвистика – одна из бурно развивающихся парадигм современной науки о языке, её принципы, методы и приёмы нуждаются в адаптации к отдельным дисциплинам антропоцентрической лингвистики, в ряду которых стоит выделить когнитивную лингвопоэтику. В недрах когнитивистики укрепляются позиции когнитивно-прагматической субпарадигмы, с позиций которой ещё предстоит показать способы и средства реализации главного (речепорождающего) предназначения дискурсивной деятельности человека. С этой целью (применительно к задачам когнитивной лингвопоэтики) необходимо раскрыть возможности дискурса в порождении текста. При этом необходимо, прежде всего, уточнить само понятие «дискурс», бытующее в работах разных исследователей настолько в широком смысловом диапазоне [Кожина, 2004: 25; Алефиренко, 2009: 248], что его определения нередко оказываются некогерентными. Н.Ф. Алефиренко под дискурсом понимает «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» [Алефиренко, 2009: 248]. Продуцирование художественным концептом метафорического дискурса порождает определенный смысловой контекст, который включает информацию о субъектах речемышления, объектах, их социально-культурном опыте, хромотопных условиях. При таком понимании дискурса его конструктивным началом выступает концепт как смыслообразующий эпицентр будущего словесно-художественного полотна. Причём механизм образования смысловой структуры будущего художественного текста во многом зависит от типа концепта. Сущность и текстопорождающая роль биполярного концепта как уникального в пространстве русской концептуальной картины мира когнитивной структуры на данный момент еще не разработана. В существующей теории концептов, разрабатываемых как авторитетными лингвокогнитологами, так и начинающими исследователями, «биполярный концепт» пока не получил убедительной интерпретации [ср.: Бабушкин, 1996; Алефиренко, 1999; Попова, Стерин, 2002], хотя именно он служит той когнитивной доминантой, которая определяет идиостиль и художественную картину мира любого произведения.

Леонид Андреев в текстах своих ранних рассказов использовал необходимый для метаморфозного мировосприятия новый тип концепта русской лингвокультуры. Когнитивно-культурологическая сущность каждого концепта такого типа ассоциируется в текстах Л. Андреева с внезапными изменениями, поистине «овидиевыми превращениями» российской действительности на изломе мятежных (XIX–XX) веков, наполненной дыханием необузданных стихий, тревожными мыслями, мистическими ощущениями, философскими раздумьями, неутомимыми творческими исканиями в биполярном

единстве жизни и смерти. Актуальность данного исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется анализ сложного смыслового пространства биполярного концепта как текстообразующего средства в словесно-художественном мышлении творца. Ассоциативно-семантические поля являются одним из способов вербализации концептов, поэтому выявление системообразующего потенциала биполярного концепта немислимо без его погружения в идиостилевую континуум писателя, особое место в котором занимает моделирование ассоциативно-смысловых полей ключевых слов.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является художественный текст как словесно-знаковая манифестация оппозитивного дискурса, предметом – средства речевой репрезентации энантиосемических бинарных оппозиций как принципа формирования концептосферы художественного текста. В работе используются описательный метод для экспликации ключевых признаков языковых и когнитивных явлений. Метод функционально-семантического анализа применяется с целью определения роли разноуровневых языковых средств, в том числе ключевых слов, репрезентирующих базовые концепты, которые принимают участие в построении АСП. Метод контекстуального анализа подключается на этапе наблюдения за функционированием слов в конкретном фрагменте художественного текста, погруженного в культурное и социально-исторические пространство породившего его дискурса. Метод моделирования ассоциативно-смысловых цепочек и прием интерпретации средств выражения биполярных художественных концептов и применяются при определении их текстообразующей функции.

Результаты и обсуждение

Рассказ «Молчание», относящийся к раннему этапу творчества (1900 г.), является собой, пожалуй, наиболее яркую вербализацию созданного Леонидом Андреевым «оппозитивного дискурса». Термин *оппозитивный дискурс* принадлежит Т.И. Красновой и обозначает типичный способ идеологического представления языковой картины мира в газетах русского зарубежья начала XX века [Краснова, 2015]. Мы же под «оппозитивным дискурсом» понимаем отражение в концептосфере художественного текста конфликтогенного содержания – продукта авторской интерпретации конфликтогенной реальности – структурообразующего фактора того коммуникативного события, которое послужило объектом художественного нарратива. С помощью имени прилагательного *конфликтогенный*, производного от термина «конфликтоген» (дословно «рождающий конфликты»), предложенного в психологии А.П. Егидесом [Егидес, 2001: 4], мы образовали словосочетания «конфликтогенное содержание» и «конфликтогенная реальность». Первое – для обозначения коммуникативно-прагматического диссонанса между автором и социальной действительностью, а также между персонажами, в тексте его выражающими; второе – для обозначения той событийной среды, которая такой коммуникативно-прагматический диссонанс порождает. С точки зрения когнитивной лингвопоэтики способом выражения «конфликтогенного содержания» текста служат речевые и паралингвальные средства художественного речемышления. К речевым средствам выражения коммуникативно-прагматического диссонанса в ранних рассказах Л. Андреева относятся изобразительно-выразительные единицы: слова, употребленные в переносном значении и фразеологизмы. В роли лексических метаморфоз чаще всего выступают метафорические эпитеты, сравнения, перифразы, олицетворения, оксюморонные, антитезные и инверсивные сочетания и градация. В качестве паралингвальных средств используется акциональное поведение (действие или бездействие), способное привести к конфликтному дискомфорту. Иными словами, конфликтогенное содержание текста создают также особые контрастные образы, средствами создания которых, как правило, служат полярные оценки (мелиоративные и

пейоративные) «конфликтогенной реальности». Конфликтогенные контексты в рассказе Л. Андреева «Молчание» проецируются оппозиционными отношениями между актантами текстопорождающего дискурса.

«Оппозитивный дискурс» Леонида Андреева порожден особым – б и п о л я р н ы м – типом художественного концепта, в котором отразились глубокие переживания писателя, вызванные социальным неприятием социальной действительности, поработавшей волю человека.

Поскольку феномен «биполярный концепт» когнитивной лингвистикой ещё не освоен, он нуждается в обосновании своего места в системе концептов. Прежде всего, его следует отличать от сходного с ним «бинарного концепта», репрезентантами которого в большинстве случаев выступают лексические антонимы [Хайруллина, 2009]. Биполярный концепт – это когнитивный конструкт интегрального характера, амальгама взаимопроникающих самостоятельных концептов, когда сущность одного раскрывается через его противопоставление другому. Если сущность бинарного концепта раскрывается благодаря поиску явно-выраженных его антонимических репрезентантов – контрадикторных антонимов, то понимание биполярного концепта достигается с помощью интерпретации контрарной оппозиции. Образующие её концепты не только отрицают друг друга, но несут в себе некий компенсирующий взамен отрицаемому смысл. Причём в контрарные отношения втягиваются разные по своему статусу феномены. Так, несмотря на то, что концепты *смерть* – событие, а *жизнь* – процесс, они входят в структуру биполярного художественного концепта «смерть/жизнь». В бинарном концепте оба компонента принадлежат к одной категории: событию или процессу. Так, прямым противопоставлением концепту-событию «смерть» здесь является событийный концепт «рождение». Такого рода контрарная природа биполярного концепта позволяет ему проецировать в содержании «оппозитивного дискурса» широкую гамму человеческих переживаний.

Биполярный концепт, служащий смыслопорождающим ядром «оппозитивного дискурса» Леонида Андреева, в любом своём конкретном проявлении выражает острое переживание автором главного неврозного фактора: неспособности человека приспособиться к непредсказуемым социальным переменам, порождавшей чувство «космического пессимизма», безверия и отчаяния. Отсюда главный отличительный признак биполярного художественного концепта Леонида Андреева, определяющего архитектуру его ранних рассказов, – выражение двойственного реалистико-мистического отношения к действительности.

Феномен биполярного концепта состоит в том числе и в стирании границ между явлениями, традиционно воспринимаемыми как контрастные, оппозитивные. Таким образом, «оппозитивный дискурс» – способ существования языковой картины мира Л. Андреева, в котором биполярный концепт «Жизнь» является доминантным. В силу этого в рассказе «Молчание» он выполняет текстообразующую функцию. В основе сюжета лежит устойчивое в контексте творчества писателя коммуникативное событие: череда бед, выпавших на долю священника. Отец Игнатий – глава семьи, сдержанный, требовательный и строгий, а по мнению его прихожан, и вовсе «суровый и гордый». Эти оценки, данные автором своему герою, не вписываются в устоявшиеся в церковном дискурсе представления о слуге божьей. Как известно, гордыня – один из страшных смертных грехов, в котором видится причина других пороков: зависти, злости, агрессии. Православная идея всепрощения нарочно разбивается Леонидом Андреевым о другую поведенческую характеристику отца Игнатия: «... ненавидел грешников и не прощал их». «Каляный», – таким оценочным эпитетом, выраженным разговорно-сниженным адъективом, характеризует Игнатия столяр Карзенов, «которому он не отдал пяти рублей за рамы». Так, образ священника, слуги божьей, воссоздается Леонидом Андреевым через ряд оценочных эпитетов, иногда даже доходящих до инвективных: «суровый-гордый-безжалостный-каляный».

Художественный текст «Молчание», который Лев Николаевич Толстой, к слову, оценил высшим баллом – «5», выполняет не только информативную функцию: в поэтизированной форме сообщает читательской публике историю, реально случившуюся с отцом Андреем Казанским, который стал прообразом отца Игнатия. Как и любой художественный текст, герменевтический по своей природе, «Молчание» возбуждает в читателе желание интерпретировать, осмысливать ключевое событие текста (самоубийство дочери отца Игнатия) и искать ответ на вложенную в уста священника мольбу: «*Скажи!*» Это односоставное, побудительное по своей цели предложение носит в себе скорее вопрос, чем просьбу: «Почему ты, дочь, пошла на этот грех?» – словно вопрошает отец Игнатий уже, как ни парадоксально, умершую дочь.

Именно отсутствие ответа на вопрос-мольбу и делает феномен молчания не просто номинацией дискурсивного пространства, лишённого звуков, а превращает молчание в акт невербальной коммуникации, разрушающей героев рассказа и делающей сюжет «Молчания» в художественном дискурсе Леонида Андреева традиционным, типичным: в семье священника умирает дочь Вера, попадая Ольга Степановна теряет рассудок, дни свои проводит лежа в полутёмной комнате, неподвижно, с открытыми глазами (как сошел с ума Сергей из «Рассказа о семи повешенных», как обезумели отец Василий и его жена из рассказа «Жизнь Василия Фивейского» и др.), отец Игнатий, как и герой другого рассказа Л. Андреева, несет на себе бремя вины за смерть дочери, безумство жены и осуждение прихожан. Как и отец Василий, Игнатий одинок в своем горе. Его одиночество на уровне идиолекта вербализуется лексемами *молчание* и *тишина* (в рассказе «Жизнь Василия Фивейского»: «...*наступило долгое молчание... Была долгая и мертвая тишина*»; в рассказе «Молчание»: «*Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание*»), которые по праву можно считать ключевыми в дискурсивном пространстве ранних рассказов Леонида Андреева.

Именно поэтому среди разных способов моделирования структуры концептосферы художественного произведения, значимых для его смысловой интерпретации, эффективным является моделирование текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых слов, которые, согласимся с Барковой Т.П., являются точкой пересечения лингвистики текста с ассоциативной лингвистикой [Баркова, 2015: 151]. Первая сосредотачивает внимание на репрезентации ключевыми словами базовых биполярных концептов, а вторая – (посредством построения ассоциативно-вербальных сетей) на языковой личности персонажа. Под ключевыми словами мы понимаем особенно значимые для осмысления концептосферы текста лексические единицы, которые Н.С. Болотнова называет «узловыми звеньями» в ассоциативно-смысловой сети текста», «точками контакта» автора и читателя, регулирующими читательскую деятельность в соответствии с коммуникативной стратегией автора» [Болотнова, 2016: 421]. В этом отношении абсолютно очевидна текстообразующая роль и большой прагматический и коммуникативный потенциал лексемы *молчание*, которая не случайно вынесена в заглавие произведения как репрезентант мегаконцепта, что обеспечивает ей заведомо сильную позицию в текстовом пространстве и пристальное читательское внимание в процессе постижения авторского замысла. Мегаконцепт – сложное ментальное образование, структуру которого образуют различные когнитивные структуры, обладающие ярко выраженным общечеловеческим статусом (мегаконцепты «Дом», «Человек», «Жизнь»). Поскольку мегаконцепты по определению находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии со своими субконцептами, андреевский биполярный концепт выполняет не только дискурсопорождающую, но и текстообразующую функцию. Последняя состоит в том, что художественный текст рассказа «Молчание» имеет радиальный тип ассоциативно-смыслового развертывания, идущий от ключевого слова, вынесенного в заголовок рассказа.

О «тяготении Андреева к вынесению в заглавие абстрактного или понятийного концептов» [Боева, 2016: 235] говорит в своем диссертационном исследовании Г.Н. Боева.

Абстрактными можно считать многоплановые концепты, вербализаторами которых выступают абстрактные лексические единицы, содержание которых, по существующему в науке мнению, является основой для образования гештальтов [Чернейко, 1995]. Объяснение этому мы находим в трудах Л.А. Иезуитовой, которая детально проанализировала систему заглавий произведений Леонида Андреева. Исследователь видит причину обилия метафорических образов и отвлеченных существительных в заглавиях произведений писателя не столько в стремлении раскрыть авторский «таинственный помысел» (И. Ильин) о мире и экспонировать идею, сколько в стремлении обнажить «психологические состояния, умонастроения» [Семенов, Семенова, 2001: 74]. Кроме того, лексема *молчание* и ее производные (*молчала, молчишь, молчащие*) повторяется в небольшом по объему тексте более 40 раз (41). Она притягивает к себе не только дериваты, чаще всего встроенные в образные, экспрессивные сочетания слов («упорно молчащих глаз», «торжественно-холодное молчание», «молчание душист» и др.), но и синонимы с их дериватами («тихий», «тихо», «глухой»), однако Леонид Андреев намеренно разрывает синонимические связи между лексемами «тишина» и «молчание», определяя особую знаковость последней («Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина...», «И снова о. Игнатию пришла мысль, что это не тишина, а молчание»). Все это говорит об особой концептуальной значимости лексемы *молчание* в реализации мысли писателя о глобальной *р а з о б щ е н н о с т и* людей, даже связанных семейным родством. И герой рассказа «Молчание» признает, что не знает, чем живет его единственный ребенок, хотя и понимает, что так быть не должно: «Как будто не вижу я, что поедает тебя какое-то горе... а какое? И я, твой отец, не знаю его. Разве должно так быть?» На вопросы родителей Вера отвечает молчанием. Нераспространенное предложение «Вера молчала» дважды звучит в тексте и вынесено автором в отдельный абзац, создавая визуальный эффект особой значимости лексемы **молчание** и ее дериватов. И если некоторые исследователи рассматривают Молчание как компонент концепта «Звук» [Цыганкова, 2015], то в рассказе Леонида Андреева оно приобретает статус одноименного ассоциативно смыслового поля, которое является способом вербализации биполярного концепта «Жизнь». Поскольку взаимообусловленность *концепта* и *ассоциативного поля* – междисциплинарная проблема, предмет исследования когнитивной лингвистики и психолингвистики – лингвокогнитивные обобщения должны, как нам представляется, опираться на данные психолингвистического эксперимента. С этой целью нами проведен ассоциативный эксперимент, в ходе которого мы попытались схематически смоделировать структуру ассоциативно смыслового поля «Молчание» (см. рис. 1). Это кажется нам особенно значимым, во-первых, потому, что «лингвистический ассоцианизм» как актуальное антропоцентрическое направление вскрывает ассоциативные «оттенки значения», которые сопутствуют слову при его разнообразном употреблении. Моделирование ассоциативно-смысловых полей позволяет понять и описать содержание текстообразующих концептов, которое, как отмечал Н.С. Карпенко, «раскрывается на основе соотнесенности номинанта концепта с текстовыми смыслами, каждый из которых актуализируется при помощи «пучка» текстовых ассоциатов» [Бабенко, Болотнова, Васильева, 2001: 137]. А во-вторых, ассоцианты-реакции на ключевое слово текста порождают определенные микросмыслы, значимые для понимания авторского замысла и формирования в читательском сознании целостного эстетического образа, оказывающего определенный художественный эффект. Другими словами, моделирование ассоциативных полей ключевых слов текста (не текстовых полей!) позволяет воссоздать «семантический гештальт», понятие, которое впервые ввел Ю.Н. Караулов. Важно, что «молчание» в русском языковом сознании также сопряжено с базисным концептом «Жизнь» и даже встроено в него. И об этом

свидетельствует не только аскетический образ жизни монахов и связанный с ним обет молчания, но и та оценка, которая дается «в миру». Ср.: *Доброе молчание, чем не ответ? Молчанье лучше пустого болтанья. Лучше молчать, чем пустое врать. Кстати промолчать, что большое слово сказать. Молчание — знак согласия. Слово — серебро, молчание — золото. Нужно молчать, коли нечего сказать. Молчаньем прав не будешь.*

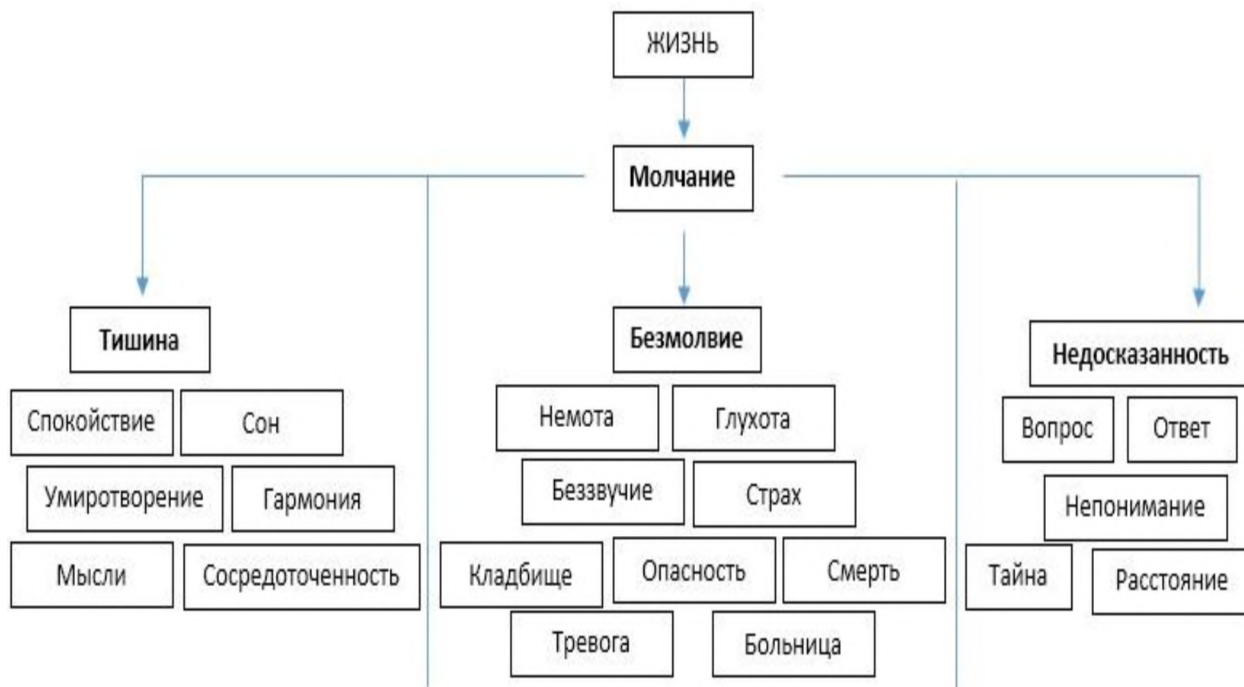

Рис. 1. Структура ассоциативно-смыслового поля «Молчание»
 Fig. 1. Association-semantic Structure of the field “SILENCE”

Получившаяся структура ассоциативно смыслового поля «Молчание» может стать схематическим контуром модели одноименного ассоциативно-семантического поля, которое в рассказе «Молчание» (1900 г.) приобретает статус экспликанта биполярного художественного концепта «Жизнь» (см. рис. 2).

Ядро АСП «Молчание» образует номинатив *молчание*, являющийся производным от глагола «молчать», представленном в толковом словаре С.И. Ожегова как многозначный: «1. не произносить ничего, не издавать никаких звуков. 2. о чем. соблюдать что-н. в тайне, не рассказывать о чем-н.». Первое лексическое значение выражает смыслы двух субконцептов околядерной зоны АСП «Молчание»: «тишина» и «безмолвие».

Второе лексическое значение связано с третьим субконцептом околядерной зоны – «недосказанность», в частности с его смысловыми компонентами «умалчивать о чем-л.», «недоговаривать»). Результаты компонентного анализа показывают, что слова, репрезентирующие субконцепты, по мере удалённости от ядерной зоны АСП обнаруживают в своей семантической структуре всё больше различий. В её составе уменьшается количество общих сем и увеличивается количество тех, которые в смысловом ядре АСП отсутствуют. Интегральные семы *вопрос*, *ответ*, *непонимание*, *пропасть* и т.д. сближают лексические репрезентанты концепта «Молчание» с семантикой слов, представляющих концепты «Жизнь» и «Одиночество/Обособленность», своеобразие которых выражают дифференциальные семы *апатия*, *уныние* и т.д.

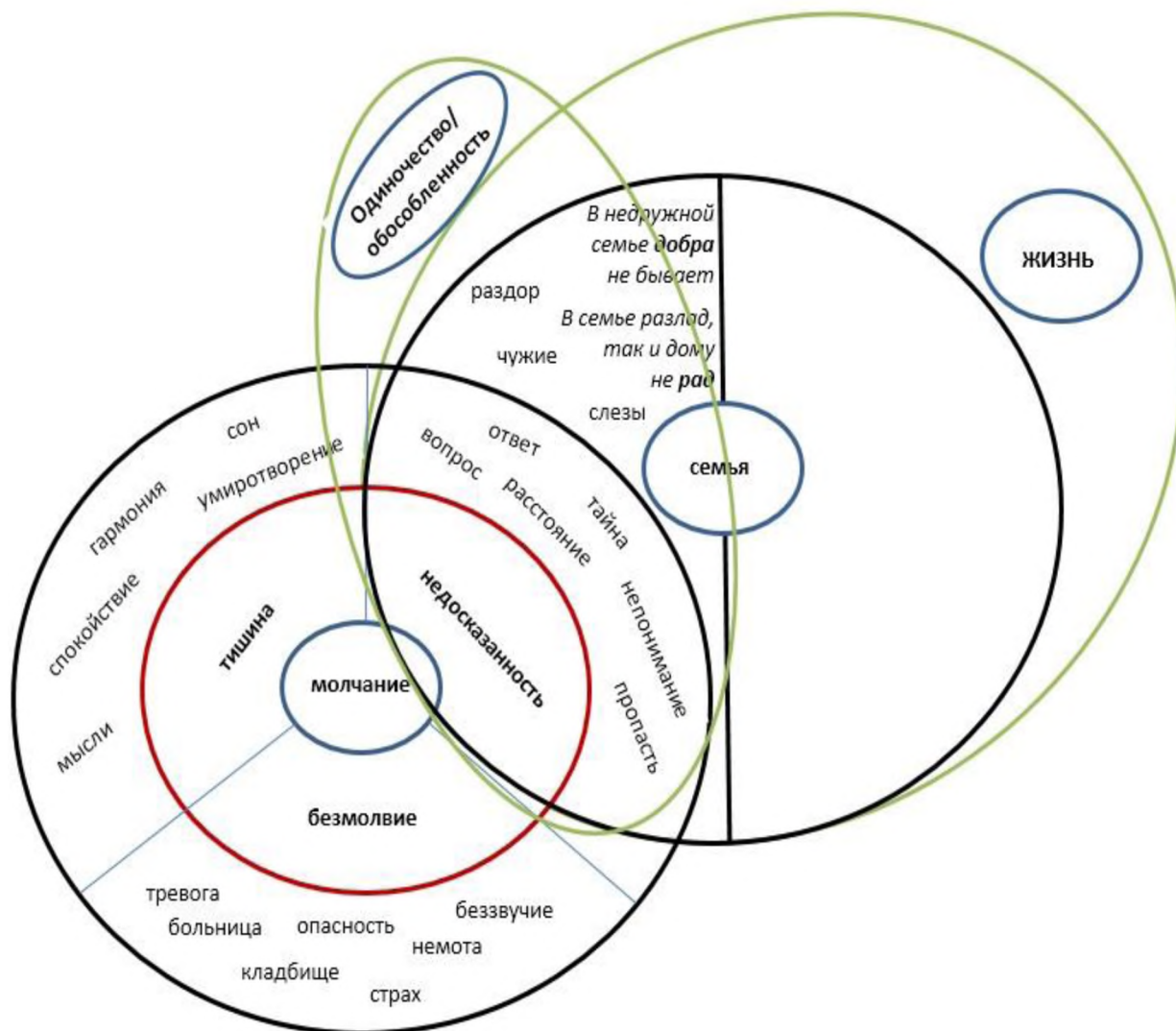

Рис. 2. Модель ассоциативно-смыслового поля «Молчание»

Fig. 2. Model of associative-semantic field "SILENCE"

Мысль о том, что «молчание» входит в качестве компонента смыслового содержания мегаконцепта «жизнь» в словесно-художественном пространстве русских писателей, воплотилась и зафиксировалась, например, в философском стихотворении Ф.И. Тютчева «Silentium!», написанном семьюдесятью годами ранее («Молчи, скрывайся и тай... Есть целый мир в душе твоей...»). Однако Леонид Андреев идет от противного, намеренно разрушая тютчевскую традицию воспринимать тишину как естественное, комфортное состояние, позволяющее человеку, а тем более творцу, установить связь с иным, метафизическим пространством – миром «чувств и мечтаний». Моделирование ассоциативного поля «Молчание» через ключевое слово/концепт «Тишина» в контексте оппозитивного дискурса, порожденного биполярными концептами, абсурдной коммуникативной ситуацией и противоречивым образом священника, представлено ассоциативно соотносимыми адъективными определениями, характеризующими в тексте андреевского рассказа состояние персонажей:

- *«спокойна»* убитая горем мать Веры, и в этом есть что-то по-андреевски жуткое и тревожное (*«И поза ее была так спокойна, что если бы кто-нибудь взглянул на нее, то подумал бы, что этот человек отдыхает или спит. Только глаза ее были открыты», «Войдя со свету, он с трудом мог рассмотреть лицо жены, а когда рассмотрел, то удивился, что оно совсем спокойно и на глазах нет слез»*);

- **«немые»** уста и глаза попадьи (*«И не было в глазах ни гнева, ни горя - они были немые и молчали тяжело, упорно», «Но уста были немые; молчали и глаза»*);
- **«беззвучен»** смех отца Игнатия, на душу которого ложится двойная вина: скверного священника и непонимающего отца.

В результате дивинации, контекстуального «вчувствования», «вживания» в душу персонажа, семантика эпитета «спокоен (-а, -о)» обогащается ассоциативной цепочкой *«ощепенение-остолбенение-замирание-умерщвление»*, ощущение которой на эмоционально-чувственном уровне исходит от контекста. Дважды в тексте звучат слова о **немых, пустых глазах** попадьи. Олицетворения и эпитеты Леонида Андреева метонимичны. Метонимия оживляет глаза (*глаза молчат, глаза немые*), отделяет их от человека, даже заменяет ими героя, следуя устоявшемуся в сознании русского человека представлению о глазах как о зеркале души. Во взгляде героев рассказе – вся их душа, переживания, эмоции, характер (взгляд попа **острый** и **внезапный**, Ольги Степановны – **серый** и **холодный**). Такое сочетание цветowych и эмпирически ощущаемых адъективных эпитетов помогает читателю понять андреевских героев, а значит и переживания самого писателя. В эпитетах **немые, пустые** глаза, которые *«молчали тяжело, упорно»*, проявляется тот леденящий своей мрачностью ореол лексемы *молчание*, которая неизбежно связана с мотивом глобальной людской разобщенности даже, казалось бы, между родными людьми. Образные атрибутивные словосочетания раскрывают психологию героев рассказа «Молчание» и делают возможным корректное коннотативное восприятие текста, проникновение в экзистенциально мрачную авторскую картину мира, в которой каждый человек отделен от другого чертой непонимания и недосказанности. Такая архитектура контекста пронзительно ёмко характеризует растерянное, мятежное состояние попадьи и священника, вызванное внезапным самоубийством дочери. Не случайна высокая концентрация в тексте прилагательного *тяжелый*: тяжел немой взгляд жены, тяжело ее молчание, тяжело горе родителей, тяжело лежит во рту язык. Более того, это эпитет иногда вырастает у писателя в сравнение со свинцом, что косвенно связано с такими идиоматическими выражениями, как *свинец на душе, свинец в сердце* («...взгляд такой тяжелый, словно весь воздух обращался в свинец и давил на голову и спину...»). Биполярность концептов и тот художественный эффект, который они производят при порождении «оппозитивного» дискурса, служат маркерами идиостиля Л. Андреева. В этой связи стоит вспомнить повесть «Иуда Искариот», в которой Андрееву удается создать амальгаму несопоставимых концептов – вера и Иуда. Подобная культурно-религиозная антитеза и оксюморонные словосочетания буквально пронизывают и рассказ «Молчание», где главный герой-священник – жесток и бессердечен, молчание слышимо и тактильно ощущаемо, в полдень под раскаленным солнечным диском священник чувствует мороз и стужу (*«...в самый жаркий день о. Игнатию становилось холодно...»*), где ночь всегда озарена светом, а «день был только освещенной ночью». Несмотря на привычное противопоставление тьмы свету (рассказы «В темную даль», «Тьма»), холода теплу, дня ночи («бессонные ночи», «нетускнеющая картина ночи»), Леонид Андреев лишает лексемы холод/тепло, день/ночь и концепты, ими названные, антонимичности и рассматривает их как две крайности одного явления, пытающиеся вытеснить друг друга и входящие в биполярный художественный мегаконцепт «Жизнь». В.В. Заманская утверждает, что такая способность писателя работать на периферии осмысленных концептов свидетельствует о его предрасположенности к умению и желанию рассматривать явления на их сокровенной глубине [Заманская, 2002: 119]. Используя такие приемы (противопоставления, усиление отрицательной коннотации отдельных лексем за счет их нагнетания и высокой концентрации, неожиданно окказиональные метафоры, сравнения, эпитеты), Андреев воссоздает готический дух не только рассказа, но и всего своего художественного дискурса, усиливает восприимчивость читателя, порождает в адресате своих текстов тревогу и страх непонятного, непривычного, необъяснимого. Не менее важную роль в образовании семантического гештальта рассказа «Молчание» играет и цвет, который, в свою очередь, является еще и инструментом развития сюжета. Интегрируя в хронотоп рассказа динамичную цветовую палитру, зависящую от

господствующего настроения, Л. Андреев вкладывает в нее особое, метафорическое значение. Цвет здесь – способ разделения художественного пространства на две части. В мире холодной тишины, мрачного молчания дома отца Игнатия доминирует лишь черно-белый цветовой спектр (белые чехлы на креслах, белые доски в комнате Веры, в комнатах царит полумрак). Портретные детали (черная борода попа, белая сорочка и серые глаза попады) дополняют блеклый и тусклый интерьер дома священника. В мире же едва уловимых звуков, жары, света – на кладбище, куда идет Игнатий узнать правду о смерти дочери, – появляются желтые, зеленые цвета, являющиеся символами жизни и радости (пожелтевший дерн, зеленый бугорки, позеленевшие памятники, «на кладбище все зеленело»). Со смертью Веры равновесие между двумя обозначаемыми мирами устанавливается еще сильнее: это символизирует улетевшая из «черно-белого дома» желтая певчая канарейка – символ беззаботности или, как считает кухарка Настасья, «душа Верь». И снова парадоксальность и свойственная Леониду Андрееву оксюморонность: цвета, символизирующие жизнь и силу молодости, упоминаются только в кладбищенском пейзаже. Так писатель неразрывно связывает жизнь и смерть между собой.

Художественный текст «Молчание» выстраивается писателем по радиальному типу ассоциативно-смыслового развертывания, при котором на одно слово-стимул даются разные слова-реакции, по образному выражению Н.С. Болотновой, «как веер, расходящиеся от слова-стимула и рождающие, в свою очередь, новые ассоцианты» [Болотнова, 2016: 423]. Первичные слова-реакции на вынесенное в заглавие произведения слово-стимул (тишина, недосказанность, безмолвие) являются ремами, которые конкретизируются вторичными ассоциантами, приближающими читателя к постижению идеи текста. Динамический сюжет «Молчания» парадоксален: в реализации концепта «Жизнь» Л. Андреев идет по пути разрушения устоявшегося позитивного восприятия феномена «Жизнь священника». Опрос старшеклассников (17–19 лет) и педагогов гимназии (26–46 лет), прочитавших андреевский текст (всего 35 человек), показал, что в качестве ассоциантов к словосочетанию-стимулу «Жизнь священника» выступают преимущественно слова положительной коннотации (табл. 1):

Таблица 1
Table 1

Ассоцианты положительной коннотации
The associates are realized positive connotations

Слова-стимулы	Слова-ассоцианты	Кол-во человек, выбравших данное слово
Жизнь священника (ассоциативный пласт)	Любовь	28
	Дух	14
	Праведность	31
	Целомудрие	15
	Служение	22
	Молитва	33
	Воздержание	17
	Прощение	15
	Смирение	29
	Тепло	7
	Смех	9
	Радость	13
	Дети	16
	Безгрешие	22
	Чистота	29
	Благодать	16
Добро	30	
Легкость	11	

Более того, респонденты отмечали, что жизнь священника полна трудностей и горестей, с которыми он в силу своей близости к Богу должен и способен бороться. Поэтому они воспринимали текст Леонида Андреева как вербализацию оппозитивного дискурса. Действительно, писатель преднамеренно, желая обнажить неприглядные стороны человеческой жизни, с которыми он то и дело сталкивался, работая в суде, развенчивает сложившийся в культурной жизни православного народа образ концепта «Жизнь» и в качестве его вербализаторов использует следующие «мрачные» лексемы, некоторые из которых разрастаются до субконцептов (табл.2):

Таблица 2
Table 2

Ассоцианты негативной коннотации
The associates are realized negative connotations

<i>Концепт</i>	<i>Лексемы</i>	<i>Кол-во лексем в тексте</i>
<i>Жизнь (индивидуально авторские ассоциации)</i>	Смерть	8
	Молчание	21
	Грех	26
	Самоубийство	20
	Ненависть	14
	Проклятие	14
	Разобщенность	29
	Тишина	23
	Гордыня	17
	Тьма	12
	Тяжесть	12
	Страх	20
	Одиночество	28
	Безумство	25
Нетерпимость	20	

Сравнивая данные из двух таблиц, нетрудно заметить дискурсивные оппозиции «праведность-грех», «любовь-ненависть», «смирение-гордыня» и др. Они, являясь средством вербализации концепта «Жизнь», актуализируют его биполярную природу, которая и составляет когнитивный субстрат оппозитивного дискурса текстов Л. Андреева. Всё это превращает лингвопоэтическую архитектуру текста в оригинальный и самобытный способ манифестации индивидуально-авторской картины мира. Как убеждает одушевлённый нами ранее анализ концептосферы ранних рассказов Леонида Андреева («Жизнь Василия Фивейского», «Молчание») и ассоциативно семантических полей «Жизнь», «Молчание», в структуре оппозитивного дискурса Л. Андреева конструктивную роль играет семантическое наполнение гештальта «Жизнь священника». Леонид Андреев стремится донести читателю идею о том, что перед лицом судьбы, рока, трагедий и лишений вера меркнет, слабеет, и человек уже не слышит голос Господа и сомневается в его царствии (не случайно в одном из рассказов присутствие метафорического выражения «горечь обманутой веры»). Леонид Андреев придает культурно маркированным концептам «индивидуальные коннотации, нерелевантные для «практического языка», но значимые для художественной коммуникации» [Кузьмина, 2007: 176] и постижение индивидуально авторской картины мира. Кстати, в русской классической литературе образ жизни и мышления священников не раз подвергался сомнению. В сказке А.С. Пушкина «О попе и работнике его Балде» поп жадный и алчный; в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» священник обманывает Пьера; в рассказе А.П. Чехова «Человек в футляре» священнослужители играют в карты и едят скоромную пищу; в эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» поп Виссарион ведёт далеко не

благопристойную жизнь; в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» отец Василий возглавляет эсэровский комитет, хотя из истории известно, что эсэры были стопроцентные атеисты; поп из рассказа В.М. Шукшина «Верую» и вовсе поражает читателя своим кошунственным взглядом на жизнь. Однако «своих» священников Леонид Андреев поражает другими недугами: экзистенциальной тоской, одиночеством и сомнением в собственной вере. Подобно мечущемуся отцу Василию из рассказа «Жизнь Василия Фивейского», обезумевшему доктору медицины Антону Игнатьевичу Керженцеву, в смятении пребывает и отец Василий. Его состояние (волнения, тревоги и испуга) писатель передаёт особым речевым поведением.

Поскольку феномен речевого поведения имеет в лингвопоэтике разное толкование, уточним его понимание в нашем исследовании. Речевое поведение – специфическая форма дискурсивно обусловленного бытия персонажа, в котором отображается вся гамма включенных в коммуникативный акт отношений, вербальная и невербальная информация, паралингвистические факторы, а также место и время речевого акта, дискурсивное пространство, в котором разворачивается данное коммуникативное событие. Оно включает также осознанные и неосознанные поступки, раскрывающие характер и образ жизни персонажа.

В начале произведения главный герой проклинает дочь, затем вопрошает к ней с мольбой рассказать о мотивах самоубийства, плачет на ее постели и даже в глубоком отчаянии приходит на ее могилу. Не получив ответ, Игнатий с ужасом ощущает, как вся тишина, что только есть в мире, тяжким грузом ложится на его плечи. Ср.: «И *ответом ему было молчание*», «Они были *немые и молчали*. И *молчал* весь темный опустевший дом». И хотя внешне, акустически, молчание тождественно тишине и означает отсутствие звуков, семантически молчание гораздо ближе к речи, к диалогу и связано с интенциональной обращенностью сознания говорящего на что-то, а именно – с желанием отца Игнатия услышать ответ. Ужас того, что священник обращается к уже умершей дочери, превращает диалогическую природу молчания в акт автокоммуникации. Подобную мысль мы находим в диссертационном исследовании Корниловой Н.Б., которая пишет: «Общий фон повествования в данном случае сориентирован не на активное, реальное действие, а на рефлексирующее сознание измученного чужим молчанием человека, стоящего на грани душевного срыва» [Корнилова, 2002].

Все это усиливает звучание другого характерного для оппозитивного дискурса Леонида Андреева субконцепта – «Одиночество/Обособленность», который становится способом вербализации концепта «Жизнь». Леонид Андреев не случайно вводит в контекст художественного повествования символическую деталь – легкую пленку между глазами Веры на ее портрете и окружающим миром («как будто между глазами и тем, на что они смотрели, лежала тонкая, прозрачная *пленка*»). Эта значимая подробность является способом экспликации биполярного концепта «Жизнь» и вносит свою лепту в реализацию идеи писателя о людской разобщенности, которая идет от распада семьи и конфликта поколений. Подтверждение своих мыслей находим в работах критика П. Соколова, который писал: «Распадение семьи – едва ли не самое болезненное современное переживание. Поэтому неудивительно, что его не пропустили писатели «трагического тона»: *Андреев («Молчание»)*, Горький («Мещане»), Юшкевич («Распад»). Расходятся все по одной причине: семья не имеет единых идеальных интересов. Это отсутствие влияет различно на разных «детей», но оно одинаково всех их отрывает от семьи, каждого по-своему» [Соколов, 1903: 2]. Надежда Борисовна Корнилова в своем диссертационном исследовании также говорит о том, что Молчание становится в произведении способом экспликации встроенного в концепт «Жизнь» субконцепта «Одиночество/Обособленность», что во многом определяет биполярную природу базисного в культурах всех народов концепта «Жизнь»: «Нагнетание «кругов молчания» (по принципу заклинания) позволяет последнему выйти за пределы данного рассказа и

данной судьбы, «укрупнить» масштаб проблемы человеческого отчуждения, которая выросла из, казалось бы, совершенно обычного психологического состояния человека (когда тот не имеет единственного и необходимого ему в данный момент собеседника, ответа, пояснения)» [Корнилова, 2002]. М.П. Неведомский и вовсе считает, что тема распада семьи и общества утверждается в каждой работе писателя и является уникальным андреевским лейтмотивом, который ярко воплотился и в рассказе «Большой шлем», речь о котором шла ранее [Неведомский, 1912]. Это еще раз доказывает конфликтность доминантных в дискурсивном пространстве текстов Л. Андреева концептов и определяет «оппозитивность» этого пространства.

Стоит также отметить косвенное сходство системы биполярных концептов в рассказе «Молчание» и в тексте рассказа И.С. Тургенева «Рассказ отца Алексея», написанном в 1877 году, чтобы явственнее ощутить экзистенциальную природу оппозитивного дискурса текстов Л. Андреева. В тургеневском рассказе подающий большие надежды сын отца Алексея Яков уверен в том, что видит дьявола, и поэтому умирает без покаяния. Однако писатели радикально по-разному подходят к созданию образов священников: Леонид Андреев погружает своего героя в состояние онтологического одиночества, которое подчеркивается и явным визуальным контрастом образа Игнатия и окружающего мира. Такие портретные детали священнослужителя, как «большая черная борода», «длинные волосы», «широкополая черная шляпа» ярко контрастируют на фоне «белого одеяла», белой кофты жены, белой кожи Веры, а в сравнении с невысокой кладбищенской церковью и низенькими лавочками «твердый и высокий» о. Игнатий кажется нелепо громадным и даже лишним. Все это эксплицирует субконцепт «Одиночество/Обособленность», который состоит в потерянности, отчужденности отца Игнатия. Неслучайно в рассказе присутствие лексемы *пропасть*, которая в оппозитивном дискурсе Л. Андреева приобретает статус субконцепта (ср.: рассказы «Стена», «Бездна»). Между попадшей и мужем и правда находится стена непонимания, отчего и хочется ей провалиться в бездну: «И она заплакала, часто моргая глазами, не видя ступенек и так опуская ногу, словно внизу была *пропасть*, в которую ей хотелось бы упасть». Все это метафорически выражает одиночество и обособленность каждого из членов семьи и развенчивает устоявшуюся в православном дискурсе позитивную коннотацию концепта «Семья». Стремление попадши, священника, Веры быть понятыми, услышанными, их тщетные попытки найти ответы на терзающие их вопросы («...отчего умерла Вера?», «Ну, что же молчишь?», «Разве должно так быть?», «...что с тобою?») определяют биполярную природу андреевского концепта «Семья».

Таким образом, определяя идею словности и смысловой наполненности концепта «Молчание», Л. Андреев создает сложный в восприятии (синергично многоярусный и богатый по своему смысловому содержанию) текст, который можно считать своеобразной манифестацией биполярной авторской картины мира. Леонид Андреев, глубоко переживая кризис веры на рубеже веков, переносит молчание мира, молчание Бога, ставшие главным темой XX столетия, в словесно-знаковую систему своих текстов. В рассказе «Молчание» умирает Вера – в мире умирает Бог Фридриха Ницше, грядет кризис сознания, который, как мы понимаем из анализа идиостиля малой прозы Леонида Андреева, настиг и его. Миллионы людей, словно обезумевший отец Игнатий, попадают в черно-белую Вселенную, взывают к Богу, а он молчит. Исторический контекст произведения – рубеж веков, ожидание смены власти, страхи, тревога, неопределенности – рождает проблему богоотверженности, развернувшуюся в рассказе «Молчание». В это время экзистенциальная традиция становится парадигмой русского и европейского художественного мышления, в рамках которой бытует и индивидуально-авторская картина мира Леонида Андреева.

Заключение

Тексты ранних рассказов Леонида Андреева – это способ словесно-знакового воплощения «нестандартной» в своей противоречивости биполярной картины мира писателя, которая отразилась в художественном дискурсе рассказа Л. Андреева «Молчание». Доминантные для художественного мира Л. Андреева биполярные концепты формируют каркас «оппозитивного» дискурса художественных текстов, под которым мы понимаем отражение конфликтогенного содержания базовых концептов, показывающих социальное неприятие в языковом сознании писателя. Биполярность авторской концептосферы состоит в использовании контраста и «оксюморонности» как ведущих механизмов концептуализации явлений. «Оппозитивность» дискурса Л. Андреева определяется не только биполярной природой доминантных концептов, но и компонентами идиостиля писателя: нестандартной и неоднозначной коммуникативной ситуацией, положенной в основу сюжета рассказа, оксюморонностью словосочетаний, неканоническим поведением священника, которое противоречит его сану, тревожным и революционным культурно-историческим контекстом, в котором создавался рассказ «Молчание», его идейной спецификой.

Как показывает сравнение рассказа «Молчание» с другими сочинениями Леонида Андреева [см.: Алефиренко Н.Ф., Прохорова А.В., 2017: 274], для идиостиля писателя в целом характерно сопряженное использование названных речевых и паралингвальных средств, в эксплицитной или имплицитной форме вызывающих особый диалоговый перлокутивный эффект. Его особенность создается воздействием, которое эти средства в устах одного персонажа оказывают на другого участника коммуникативной ситуации. Причем этот эффект вызывается не самим пониманием смысла соответствующего контекста, а теми душевными изменениями, которые происходят в сознании персонажа, когда он испытывает беспокойство, стресс, враждебность среды, испуг, отчаяние, предчувствие катастрофы и пр. Важнейшим отличительным признаком идиостиля Леонида Андреева является способность писателя в одном гештальте объединять, казалось бы, несовместимое, как в рассказе «Молчание» с одной стороны «Жизнь», «Семья», с другой «Одиночество/Обособленность», «Разобщенность». Такой лингвопоэтический «оксюморон» позволяет автору не только показать мятежное состояние заблудших душ своих героев, но и драматичное восприятие всего окружающего мира.

Моделирование ассоциативного поля оппозитивного дискурса показывает смысло- и текстопорождающую роль художественного биполярного концепта – важнейшего индивидуально-авторского средства нарративного представления художественной картины мира как доминантного признака когнитивной лингвопоэтики писателя.

Список литературы

References

1. Алефиренко Н.Ф. 2009. Живое слово. М.: Флинта: Наука, 344.
Alefirenko N.F. 2009. Zhivoe slovo [Living word]. M.: Flinta: Nauka, 344. (in Russian)
2. Алефиренко Н.Ф., Прохорова А.В. 2017. Славяно-византийская доминанта «веры» и «судьбы» в русском дискурсивном сознании (на материале повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»). В кн.: Славянский вклад в мировую цивилизацию: материалы междунар. конф. Волгоград: «Перемена»: 274-280.
Alefirenko N.F., Prokhorova A.V. 2017. Slavyano-vizantiiskaya dominanta «very» i «sud'by» v russkom diskursivnom soznanii (na materiale povesti L. Andreeva «Zhizn' Vasiliya Fivayskogo») [Slavic-Byzantine dominant of "faith" and "fate" in the Russian discursive consciousness (based on the story of L. Andreev "The Life of Basil of Thebes")]. V kn.: Slavyanskii vklad v mirovuyu tsivilizatsiyu: materialy mezhhdunar. konf. Volgograd: «Peremena»: 274-280. (in Russian)
3. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. 2001. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск: Изд во Том. гос. пед. ун та, 331.

Bolotnova N.S., Babenko I.I., Vasil'eva A.A. i dr. 2001. Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiostil' [Communicative style of the literary text: lexical structure and idiostyle]. Tomsk: Izd vo Tom. gos. ped. un ta, 331. (in Russian)

4. Бабушкин А.П. 1996. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 104.

Babushkin A.P. 1996. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 104. (in Russian)

5. Баркова Т. П. 2015. Текстовое ассоциативное поле и моделирование структуры концепта. В кн.: Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 11 (ноябрь): 151–155.

Barkova T. P. 2015. Tekstovoe assotsiativnoe pole i modelirovanie struktury kontsepta [Textual associative field and modeling of the structure of the concept]. V kn.: Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» [Scientific and methodical electronic magazine "Concept"]. № 11 (noyabr'): 151–155. (in Russian)

6. Боева Г.Н. 2016. Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи: автореф. дис. ... док. фил. наук. Санкт-Петербург, 510.

Boeva G.N. 2016. Fenomen Leonida Andreeva i epokha moderna: poetika, retseptsiya, tvorchesknie vzaimosvyazi: avtoref. dis. ... dok. fil. nauk [Leonid Andreev's Phenomenon and the Modern Age: Poetics, Reception, Creative Interconnections]. Sankt-Peterburg, 510. (in Russian)

7. Болотнова Н.С. 2016. Филологический анализ текста. Москва: ФЛИНТА, 520.

Bolotnova N.S. 2016. Filologicheskii analiz teksta [Leonid Andreev's Phenomenon and the Modern Age: Poetics, Reception, Creative Interconnections]. Moskva: FLINTA, 520. (in Russian)

8. Заманская В.В. 2002. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 304.

Zamanskaya V.V. 2002. Ekzistentsial'naya traditsiya v russkoi literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletii: Uchebnoe posobie [Existential tradition in Russian literature of the 20th century. Dialogues on the Borders of Centuries]. Moskva: FLINTA: Nauka, 304. (in Russian)

9. Егидес А.П. 2001. Лабиринты общения. 2-е изд., стер. М.: Рилант: Филинь, 386.

Egides A.P. 2001. Labirinty obshcheniya [Labyrinths of communication]. 2-e izd., ster. M.: Rilant: Filin", 386. (in Russian)

10. Кожина М.Н. 2004. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций. В кн.: Текст – Дискурс – Стиль: Сб. науч. статей. СПб.: 9–33.

Kozhina M.N. 2004. Diskursnyi analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsii [Discourse analysis and functional stylistics from the speech position]. V kn.: Tekst – Diskurs – Stil': Sb. nauch. statei. SPb.: 9–33. (in Russian)

11. Корнилова Н.Б. 2002. Онтология молчания: На примере ранней прозы Леонида Андреева: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 164.

Kornilova N.B. 2002. Ontologiya molchaniya: Na primere rannei prozy Leonida Andreeva [Ontology of silence: On the example of Leonid Andreev's early prose]: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Yaroslavl', 164. (in Russian)

12. Краснова Т.И. 2015. Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 гг.: автореф. дис. ... док. фил. наук. Екатеринбург, 504.

Krasnova T.I. 2015. Fenomen oppozitivnosti gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya 1917-1920 (22) gg [The phenomenon of the opposition of the newspaper discourse of the Russian diaspora in 1917-1920 (22)].: avtoref. dis. ... dok. fil. nauk. Ekaterinburg, 504. (in Russian)

13. Кузьмина Н.А. 2007. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: КомКнига, 272.

Kuz'mina N.A. 2007. Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka [Intertext and its role in the evolution of the poetic language]. M.: KomKniga, 272. (in Russian)

14. Неведомский М. 24 февр. 1912. О «новом» Максиме Горьком и новой русской беллетристике. Из кн.: Запросы жизни. (№ 8), 490.

Nevedomskii M. 24 fevr. 1912. O «novom» Maksime Gor'kom i novoi russkoi belletristike [About the "new" Maxim Gorky and the new Russian fiction]. Iz kn.: Zaprosy zhizni. (№ 8), 490. (in Russian)

15. Попова З.Д., Стернин И.А. 2002. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 191.

Popova Z.D., Sternin I.A. 2002. Ocherki po kognitivnoi lingvistike [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 191. (in Russian)

16. Семенов А.Н., Семенова В.В. 2001. Русская литература XX века в вопросах и заданиях: 11 кл.: Пособие для учителя. Москва: Изд-во ВЛАДОС, 368.
Semenov A.N., Semenova V.V. 2001. Russkaya literatura XX veka v voprosakh i zadaniyakh: 11 kl [Russian literature of the XX century in questions and assignments: Grade 11].: Posobie dlya uchitelya. Moskva: Izd-vo VLADOS, 368.
17. Соколов П. А. 1903. «Отцы» и «дети». В кн.: Приднепровский край: 2–4.
Sokolov P. A. 1903. «Ottsy» i «deti» [Fathers and sons]. V kn.: Pridneprovskii kraj: 2–4 (in Russian)
18. Хайруллина Д.Д. 2009. Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира: дис. ... канд. фил. наук. Казань, 237.
Khairullina D.D. 2009. Binarnye kontsepty «Ogon'» i «Voda» kak fragment yazykovoi kartiny mira [Binary concepts "Fire" and "Water" as a fragment of the language picture of the world]: dis. ... kand. fil. nauk. Kazan', 237. (in Russian)
19. Чернейко Л.О. 1995. Гештальтная структура абстрактного имени. В кн.: Филологические науки. Изд-во Грамота: 73–83.
Cherneiko L.O. 1995. Geshtal'tnaya struktura abstraktnogo imeni [Gestalt structure of an abstract name]. V kn.: Filologicheskie nauki. Izd-vo Gramota: 73–83. (in Russian)
20. Цыганкова В.С. 2015. Молчание – компонент концепта «звук» (на материале романа В.В. Набокова «Лолита»). Электронная книга. URL: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/2158/index-2814189.html> (дата обращения: 20 февраля 2018).
Tsygankova V.S. 2015. Molchanie – komponent kontseptu «zvuk» (na materiale romana V. V. Nabokova «Lolita») [Silence is a component of the concept of "sound" (based on the novel by V. V. Nabokov "Lolita").]. Available at: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/2158/index-2814189.html> (Accessed 20 February 2018). (in Russian)